

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СКАЗОК
БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ**

Выпускная квалификационная работа

обучающегося по направлению подготовки
45.03.01 Зарубежная филология
очной формы обучения,
группы 04001301

Иваненко Людмилы Григорьевны

Научный руководитель:
кандидат филологических
наук, доцент
Доборович А.Н.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Теоретические основы изучения специфики сказок Британских островов	6
1.1. Особенности взаимодействия языка и культур, специфика их отражения в фольклорной картине мира	7
1.2. История изучения «сказки» как жанра и её классификации	14
1.3. Лингвокультурологические аспекты в исследовании фольклорной сказки.....	19
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	28
ГЛАВА II. Лингвокультурологические особенности сказок Британских островов	30
2.1. Языковая специфика сказки “The Tulip Pixies” (West Country)	30
2.2. Особенности языка сказки “The Lady of Llyn y Fan Fach” (Wales).....	34
2.3. Анализ лингвистических и культурологических особенностей сказки “Tops or Butts?” (The Midlands).....	37
2.4. Изучение лингвокультурологических особенностей сказки “The Flaycrow” (Yorkshire and Lincolnshire)	41
2.5. Лингвистические особенности сказки “The Black Bull of Norrøway” (Scotland)	44
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	50
Библиографический список	53

ВВЕДЕНИЕ

Одним из актуальных вопросов, рассматривающихся в современном языкознании, считается языковой образ мира определенного этноса, его многообразие национально-специфических компонентов, их сходств и отличий. Вместе с тем, отечественные и зарубежные лингвисты, такие как Вендина Т.И., Вежбицкая А., Серебренников Б. А. рассматривают национальную картину мира, выраженную в языке, с точки зрения когнитивной лингвистики, описывая ее как множество концептов характерных для языка, а также исследуют вопросы, связанные со способностью отдельных подсистем языка накапливать представления человека об окружающем мире. В связи с этим, такая междисциплинарная наука как лингвокультурология привлекает все больше внимания ученых, с точки зрения исследования проявления культуры этноса, представленный и закреплённый в языке.

Актуальность выбранной темы обусловлена теми фактами, что на данном этапе развития лингвокультурологии недостаточно информации и описания многофрагментного национального образа мира, менталитета, образа мышления, накопленного в языке английских народных сказок.

Сложность создания лингвистического описания полномасштабной сказочной картины мира связана с жанровым своеобразием английской народной сказки; несоответствием ее структурных, сюжетно-образных, художественных характеристик принятому в отечественной фольклористике эталону; существованием диффузных форм, совмещающих черты произведений разных фольклорных жанров.

Вследствие чего, **целью** данной работы представляется проведение лингвокультурологического анализа народных сказок Британских островов, исследование ее лингвистических и культурологических особенностей, а также раскрытие исключительных персонажей или лексических единиц, характерных определенному региону Британских островов.

Для достижения этих целей нами необходимо было выполнить следующие **задачи**:

- 1) определить особенности влияния культуры на язык;
- 2) выявить особенности отражения культуры в фольклорной картине мира;
- 3) изучить лингвокультурологические особенности сказки в современной филологии;
- 4) описать различные лингвокультурологические методы, способствующие изучению народного фольклора;
- 5) структурировать жанровые характеристики сказки.

Предмет исследования представляет процесс изучения этнокультурных и лингвокультурологических особенностей, характерных для народного фольклора.

Объектом исследования являются проведенные лингвокультурологические анализы сказок Британских островов и выявленные в процессе языковые единицы различных уровней, сформировавшие текст сказки.

Теоретическим материалом для настоящей работы послужили работы исследователей Е. Е. Анисимовой, А. Вежбицкой, А. Н. Мороховского, В. И. Постоваловой и Э. Сепира.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения, полученных в результате проведенного исследования, знаний и данных при разработке теоретических курсов или при преподавании таких дисциплин как лексикология, история английского языка или при создании дополнительных курсов по английскому фольклору или этнолингвистике. Кроме того, полученные результаты способствуют развитию интереса к национально-культурным особенностям Британии, которые представлены в анализируемых сказках.

В практической части исследования были использованы следующие **методы**: метод дефиниционного анализа, который позволяет уточнить

значение рассматриваемых лексических единиц и область их распространения; метод этимологического анализа, проводимый с целью выяснения происхождения, значения и специфики развития особых слов и их форм; метод контекстуально-ситуативного анализа, способствующий обнаружению особенностей функционирования лексических единиц в определенном контексте.

Структура работы определена целями и задачами исследования и представлена в виде введения, основной части, состоящей из двух глав, заключения и библиографического списка.

Во **Введении** представлены актуальность исследования, цель и задачи работы, её предмет и объект, а также краткое содержание работы.

В **Главе I** «Теоретические основы изучения специфики сказок Британских островов» описываются принципы взаимодействия языка, культуры и фольклора как части культуры; сходства и различия, влияющие на их взаимосвязь, а также приводятся методы лингвокультурологического анализа, применяемые в процессе анализа сказок.

Во **второй Главе** «Лингвокультурологические особенности сказок Британских островов» представлен лингвокультурологический анализ пяти сказочных текстов из 5 разных регионов Британских островов, актуализирующий особенности персонажей и языка сказки каждого из регионов.

В **Заключении** подводятся итоги проведенной работы по достижению цели и осуществлению поставленных задач и приведены основные результаты исследования.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИФИКИ СКАЗОК БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

В последние десятилетия были проведены десятки исследований такими учеными, как Н.И.Толстой, В.Н. Топоров, М.М. Маяковский, Т.А. Михайлова, Б.А. Серебрянников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, А.В. Гура, В.В. Усачева, Е.А. Карпова, Т.В. Топорова и А.Н. Павленко в лингвистике, этнолингвистике и культурологии с целью воссоздания народной культуры в полном объеме и изучения ее особенностей на каждом этапе развития народа.

Рассматривая отношения между культурой и фольклором, в котором сказка является одним из главных подвидов, мы считаем необходимым отметить существование периодов в развитии человеческого общества, когда культура целиком идентифицировалась с фольклором и рассматривалась только как фольклорная культура. Отмечая ранние стадии эволюции человека, Ю.И. Смирнов определяет фольклор как «знание о себе и окружающем мире, передаваемое от старших младшим и закрепленное, устойчивое по формам исполнения и усвоения», т.е. как духовную деятельность, уподобляя его, таким образом, феномену культуры (Смирнов, 1994: 99).

Развитие человеческого социума, изучение новых сфер деятельности обогатили понятие культуры новыми понятиями, превратив фольклор в одну из ее форм. Поэтому в Главе I мы обратим внимание на взаимосвязь языка культуры; выделим культурные особенности, которые находят свое отражение в фольклорной картине мира; обозначим происхождение сказки как фольклорного жанра, выделим её основные классификации, языковые особенности, а также лингвокультурологические методы, которые помогли провести анализ выбранных фольклорных произведений.

1.1. Особенности взаимодействия языка и культур, специфика их отражения в фольклорной картине мира

Накапливаемый опыт поколений особенно сильно выражается в языке, на котором говорит народ, а также в произведениях устного народного творчества, и в сказках в том числе. Общеизвестно, что в настоящее время для лингвокультурологии проблемы взаимосвязь языка, фольклора и культуры в настоящее время актуальна и приоритетна во многих аспектах. Данный факт связан с тем, что «зафиксированные в мифологии, а затем в фольклоре представления о мире влияют на отражение и формирование менталитета» (Эпоева, 2007: 6). Слово «язык» многозначно и многогранно, и означает всевозможные естественные и искусственные коммуникативные средства. И с одной стороны, каждый из языков (вербальный или невербальный, естественный национальный или язык науки, или культуры, искусства) сопоставляется с сознанием и мышлением, с другой стороны - с культурой, этим и обуславливается их разностороннее взаимодействие друг с другом и функционирование в различных контекстах.

Проанализировав значение термина «язык, мы можем определить следующее значение слова: «язык – система определения мыслей словами, которая имеет определённый фонетический и грамматический строй, и также является средством коммуникации». Следовательно, понятие «язык» в структурном плане можно представить в виде «атома», который руководит «языковыми» орбитами, которые расходятся от него в разные стороны.

Различные учебные обращения свое внимание на важность языка, не только как средство общения, но и как на инструмент мышления и культурного развития. В. Гумбольдт впервые обратил внимание на то, что «язык - орган, генерирующий мысль, поэтому и интеллектуальная деятельность, и язык представляют собой одно целое» (Гумбольдт, 2000: 75).

По данному вопросу другое определение представляет Э. Сепир, который указывает на то, что «язык непрерывно следует за мышлением, несмотря на то, что его структура и форма скрыты и могут быть объяснены только в определенных условиях». Ещё один исследователь языка – Б.Л. Уорф – также отмечает влияние языка на различные сферы жизнедеятельности людей, основываясь на его постоянно действующих общих законах и в каждодневной оценке однозначных явлений, отбрасывая особые случаи использования языка.

Согласно его исследованиям, грамматика, т.е. основа каждой языковой системы не является только лишь механизмом для реализации мыслей. Напротив, она сама выражает мысль, являясь «инструкцией и планом мыслительной деятельности человека, способом анализа его впечатлений и их обобщений» (Звегинцев, 1999 : 97). Для проведения лингвокультурологического анализа, мы считаем необходимым рассмотреть не только понятие «языка», но понятие «культуры». Как известно, существует достаточно много определений понятия «культура».

Компоненты культуры – структура и содержание – толкуются неравнозначно, так как в данном контексте толкование зависит от круга исследуемых проблем и составляющих его компонентов. Выделяют различные подходы к определению культуры, которые рассматриваются через разные научные парадигмы:

1. Социальный подход – подход, в основе которого находится интерпретация данного феномена, отличного от природы, биологических и физиологических данных, присущих не отдельному индивиду, а группе людей, которые связаны общением (В. Освальт);
2. Когнитивный подход – культура в данном случае, осмысливаясь индивидом, объясняется в терминах языков реалий, мыслительных процессов и культур (В. Гудинаф);
3. Семиотический подход – в толковании этого подхода лежит определение системы материальных знаков, который находят свое

отражение в мир и могут использоваться как средство общения (К. Леви-Стросс).

Тем не менее, ни одно из этих определений не является полным, так как раскрывая лишь одну из сторон культуры, они становятся ограниченны и не определяют ее в целом.

Мерилом культурного содержания считалась эволюция человека от варварства к прогрессу, в связи с этим фактом в разных обществах культурные различия объяснялись по-разному. Чем сильнее было общество с точки зрения признаков цивилизации, тем более прогрессивным оно являлось и в культурном смысле. Ведь идея, на которой ранее основывалась дефиниция культуры, выражала то, что она является универсальным феноменом, которой свойственен каждому социуму.

Однако в настоящее время А. Вежбицкая предлагает считать особенно удачным определение культуры, предложенное К. Герцем, который определяет её как «образец смыслов, отраженных в символах и развивающийся исторически, а также - система переходящих от поколения к поколению представлений, которыми пользуются в обществе и на базе которых уточняются и расширяются знания людей о жизни» (Вежбицкая, 1997: 289).

Исследуя культуру, представители всех научных школ пришли к выводу, что язык имеет главенствующую роль в составе этого комплексного феномена. Э. Сепира утверждает, что: «Роль языка в обогащении культуры и ее исторической преемственности очевидна и очень важна на всех ее уровнях: как на высоких, так и на ее примитивных ступенях. Основная доля культурного фонда примитивного социума хранится в более или менее четко сформулированной языковой форме» (Сепир, 1993: 233). Поэтому каждая языковая картина и самобытный «национальный образ мира», по мнению Г. Д. Гачеева, объединяет историю и быта, склад и психику, язык и мышление, национальную природу и представляет исключительную систему связанных между собой компонентов. Все самобытное, включая как этнос, так и язык,

подчиняется социальным и классовым различиям, расколам и стяжениям (Гачеев, 1996: 214).

В современной науке не вызывает сомнений факт существования огромного множества образов мира, так как были проведены различные исследования в рамках одного и нескольких языков такими учеными как И. Ю. Марковина, Ю.Д. Апресян, Г. Д. Гачеев, Ю. А. Инчина, Д.Н Шмелев и другими. Основываясь на том количестве наблюдателей, контактирующих с миров, они вывели несколько классификаций моделей мира, аспекты которых находят свое отражение в них. Проводимые на базе Европейской лаборатории прикладных наук ряд экспериментов показал, что у людей существует врожденная внутренняя модель физического мира, которая незаменима для адекватного восприятия окружающих предметов, с помощью которой позднее осмысливается информация о мире и передается с помощью языка (Тер-Минасова, 2000).

Однако в современной лингвистике вопрос о месте и значении языка и мышления в развитии картины мира решен неточно. Картина мира формируется вместе с языком, из-за которого понятия и образы получают материальное воплощение. Помимо прочего, результаты выполненных исследований приводят к мысли о смещении мышления на вспомогательные по отношению к языку позиции в каждый из возрастных периодов в жизни человека (Бобунова, 2001). Язык является важнейшим средством создания картины мира в сознании говорящего, поэтому его роль особенно велика во время познания окружающей действительности на раннем этапе развития человечества. Кроме того, будучи продуктом и значимой составной частью культуры, язык передает национальное самосознание и накапливает культурные ценности в грамматике и лексико-идиоматических средствах, конструируя картины мира, различающиеся у разных народов.

В современных лингвокультурологических и этнолингвистических концепциях наравне с термином «языковая картина мира» допускается использование других понятий для обозначений данного явления: «языковая

организация мира», «языковой промежуточный мир», «языковая модель мира». Один из исследователей – Ю.А. Инчина – выдвигает свое видение данного понятия – «социально значимая модель знаков, выраженная с помощью различных языковых средств и содержащая информацию об окружающем мире» (Инчина, 2002: 8).

Пытаясь разгадать необъяснимые послания природы и таинственные загадки культуры, люди, живущие на протяжении многих веков, начинают формировать свою картину мира. И разнообразие этих национальных культур обогащает всемирную культуру. Знакомясь и постигая чужую национальную культуру, причисляя ее к всеобщим духовным и материальным ценностям, человек наполняет свой внутренний мир и делает его намного богаче. И одной из важных составляющих частей национальной культуры является фольклор, который играет чрезвычайно важную роль.

Рассматривая понятие «фольклор» в узком значении, которое связано с лингвистической и информативной системой понятий, мы отмечаем, что, присоединяя к данным концепциям этнографический контекст, можно определить фольклор как совокупность всех вербальных и невербальных структур, действующих в повседневной жизни. Кроме того, в первую очередь, рассматриваются модели, функционирующие на устном уровне в различных контактных группах – семья, населенный пункт, район, регион, языковой ареал). В этих описаниях не содержится характеристика содержания, жанровых и стилистических особенностей, или сюжетного репертуара, поскольку, основываясь на многовековой истории, мы рассматриваем фольклор как динамичный и развивающийся феномен, при всей его традиционной. Однако, на разных этапах развития история культуры фольклор приобретал особенные черты, присущие определенному периоду, которые, к сожалению, не всегда нам известны (Новиков, 1998).

В целом, выделив черты языковой и фольклорной картины мира, мы отмечаем, что как единое сочетание представляется эстетической действительности, творческим искажением жизни; является

идеализированной действительностью, гармонизирующий отношения человека с окружающим миром и удовлетворяющий его эмоциональный и эстетический интерес (Игошкина, 2000).

Перечисленные характеристики указывают на то, что фольклорная картина мира, как и любая целостная картина мира, - всеобъемлющий образ действительности, воспроизводимый системы языковых единиц. Тем не менее данный образ идеализирован, то есть не идентичен реальному миру, поскольку в нем сосредоточены народный надежды, ожидания, духовные ценности и нравственные идеалы. Но так как фольклор является частью народного творчества и служит его ежедневным практическим целям, то созданная эстетическая реальность не может исследоваться вне связи с истинным образом жизни народа, так как он передает социальный опыт и накопленные знания об окружающем мире из поколения в поколение.

Фольклорная картина мира – одна из главных форм репрезентации древней культуры народа. Она являет собой коллективное бессознательное, кладовую прошлого архаического мироощущения, отвергнутый в ходе культурно-исторического развития этноса (Новиков, 1998).

Соблюдая логику изложения, сказочную картину мира следует рассматривать как целостный образ мира, отраженный в языке сказки. Она является частью фольклорной картины мира и обладает, с одной стороны, чертами, особенными для сказочного жанра. С другой стороны, сказочная картина мира имеет много общего с образами действительности, которые запечатлены в произведениях других фольклорных жанров.

Отдельные детали картины мира народной сказки характеризуются особой семантикой и глубоким смыслом, не всегда понятный современному человеку. Лишь благодаря использованию данных, полученных в результате изучения символического значения образов и элементов других фольклорных жанров и форм народного творчества, мы можем осознать их символичность. Следовательно, воссоздание, а затем интерпретация картины мира,

выраженная в языке сказки, невозможно без обращения к фольклористическим, этнографическим и диалектологическим материалам.

Мы предполагаем, что сказочная картина мира, как и фольклорная показывает окружающую действительность, охватывая практически все культурное своеобразие народа. В сказочной картине мира накоплены особенности образа жизни, организации трудовой деятельности; правила и запреты, которые регламентировали каждодневную жизнь древнего человека, а также его представления о древнем мире; фундаментальные представления о пространстве и времени, а также способы воздействия на мир. Оценочные характеристики картины мира позволяют судить об отношении народа к объектам окружающей действительности, лицам и событиям; о существовавших ценностях; о системах поощрения и наказания.

Одной из причин отражения в сказочной картине мира особенностей народной культуры является то, что культура, по определению Ю.М. Лотмана, представляет собой ненаследственную память коллектива и требует своего усвоения каждым последующим поколением. Сказка, несмотря на свой развлекательный характер и установку на вымысел, является важным средством воспитания и обучения. Накопленные в языке сказки нравственные ценности, нормы поведения, опыт, знания усваиваются неосознанно в раннем возрасте во время многократного восприятия сказочных текстов (Постовалова, 1988: 15).

В итоге, сказочная картина мира определяет практически каждую особенность еще более масштабной и несоизмеримой ни с чем по глубине фольклорной картины мира, в состав которой входит. Такая картина мира свойственна в большой или меньшей степени каждому индивиду этноса, обуславливая наряду с другими картинами мира способ познания, восприятия и отношения к действительности.

1.2. История изучения «сказки» как жанра и её классификации

Прежде чем обратиться к истокам сказки как фольклорного жанра необходимо ответить на вопрос, что же такое сказка? Откуда берет свои истоки — это понятие? Как в разных странах люди называли данный фольклорный жанр?

Зачастую сказку определяют, как вид фольклорной прозы, основным характерным признаком которого является вымысел и анонимность, поскольку сочинитель сказки осознанно создавал поэтический вымысел, а слушатели самостоятельно толковали его для себя, опираясь на опыт прожитых лет – увиденного, услышанного.

У каждого народа существует свое обозначение «сказки». У немцев это “*Marchen*”. Корень *Mär* – означает «новость», «известие», - *chen* уменьшительный суффикс. *Märchen* — «маленький интересный рассказ».

Французы, говоря о фольклорной сказке, чаще всего употребляют слово “*conte*”, что означает «рассказ» или выражение “*conte populaire*”, что означает «народный рассказ».

В английском языке для обозначения «сказки» используется слово “*tale*”, которое в древнеанглийском обозначалось как “*talū*”, и переводится как «рассказ вообще, любой рассказ» (Пропп, 2000).

Обращаясь к европейскому фольклору, информация о сравнительно поздней записи английских фольклорных сказок зафиксирована многими исследователями и составителями сборников (Печеркина, 2008). Понятие «сказка» появилось в Англии лишь в конце XIXв. В британской культуре соби́рание и запись фольклорных памятников были начаты лишь в XVIIIв. На такой результат повлияло множество социокультурных и экономических факторов: исчезновение крестьянства под влиянием урбанизации и технического прогресса, пуританство, эпоха Просвещения. Считается, что

первые записи были сделаны преимущественно в Шотландии и Северной Англии, которых на тот момент в наименьшей степени постигло влияние цивилизации и технического прогресса. Лишь благодаря таким составителям сборников как Дж. Джэкобс, Эд. Хартланд, С. Адди, вмешательство которых в исходный материал было минимальным, удалось сохранить исконную форму народных сказок (Елина, 1987).

В европейских научных средах принято употреблять определение сказки ученых Й. Болте и И. Поливки, которое заключается в том, что под сказкой понимается «рассказ, основанный на поэтической фантазии, в особенности из волшебного мира, история, не связанная с условиями действительной жизни, которую во всех слоях общества слушают с удовольствием, даже если находят ее невероятной или недостоверной» (Болте, 1913).

Найти точное научное определение понятия «сказка» – задача не самая легкая. С этим сталкивались знаменитые ученые такие как Й. Болте и И. Поливка, В.Я. Пропп, А.И. Никифоров, но вопрос о том, как определить «сказку», еще на сегодняшний день остается открытым и актуальным.

Среди работ русских ученых-литературоведов, можно выделить работу В.Я. Проппа «Морфология сказки», в которой он, критикуя подход Болте и Поливки, дал свое определение сказки в самом общем виде как «рассказ, отличающийся от всех других видов повествования специфичностью своей поэтики» (Пропп, 2000).

Другой крупнейший собиратель и исследователь сказок А.И. Никифоров, дает следующее определение: Сказки – это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением (Никифоров, 2004).

Обращаясь к истории фольклорной сказки, можно отметить, что отдельные его элементы восходят к древнейшим временам родового строя и мифологическому мышлению, однако своего расцвета этот жанр достиг в

эпоху феодализма. Постепенное развитие сказочного жанра наложило свой отпечаток на содержание сказок – оно неоднородно. Самый глубокий пласт – архаический: древнейшие обычаи, ритуальные обряды, первобытное общинное сознание (Риордан, 1987). Однако в следующем пласте можно наблюдать скачок в развитии образа мышления: мифы стали утрачивать свое священное значение: боги (или обожествленные силы природы) уступили место людям; герой сказок в своих столкновениях с враждебными силами стал действовать в одиночку, рассчитывая только на свои силы. И наконец верхний пласт пронизан социальными мотивами, которые постепенно усиливаются. Эта многослойность раскрывает особенности развития человеческого сознания, которое очень долго сохраняет связь с прошлым и одновременно способно к резким скачкам (Риордан, 1987).

Происхождение сказки из мифа практически ни у кого не вызывает сомнений. Наличие у обоих жанров схожих сюжетов, мотивов, характерных для первобытных ритуалов, обрядов и обычаев иногда даже создавало спорную ситуацию при трактовке, т.к. некоторые относили один текст к мифам, а другие – к сказкам (Невзорова, 2002). Согласно морфологической структуре, миф и сказка в первобытном фольклоре имеют точки соприкосновения и строятся на цепи потерь неких космических или социальных ценностей и их приобретений, связанных между собой действиями героя.

Однако, существуют различия в синхроническом аспекте мифа и сказки, так как в мифе приобретением является нечто, что носит космический характер – вода, огонь, свет. В сказке искомые объекты или достигаемые цели – «чудесные помощники или предметы» или пища (Невзорова, 2002). Поэтому несмотря на их схожесть, сказка приобретает новые черты, которые характеризуются эволюцией сознания общества и сменой их культурных и религиозных ориентиров.

В этой связи в науке о фольклоре отмечена стойкая тенденция к рассмотрению жанра фольклорного произведения как «типа внутренней

образно-структурной и композиционно-поэтической организации» (Аникин, 2004: 97), которая предполагает учет не только формальных, но и содержательных признаков. Тем не менее, В.П. Аникин подчеркивает условный характер понятия «жанр» и недостаточную степень разработанности данной проблемы, что затрудняет определение жанровой принадлежности отдельных текстов (Аникин, 2004: 107 – 108).

Так как сказок огромное множество, и они разнообразны, европейские и русские исследователи стали задумываться об их систематизации еще в XIX веке.

Фольклорная сказка включает несколько жанровых разновидностей сказки. Первопроходцем в данном вопросе можно считать финского ученого А. Аарне, который в 1910 году выпустил сборник на немецком языке “Verzeichnis der maerchetypen”, который позднее был переведен Н.П. Андреевым и представлен в СССР как «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне» в 1929 году. В сборнике представлена следующая классификация:

- 1) сказки о животных;
- 2) собственно, сказки: а) волшебные сказки; б) легендарные сказки; в) сказки о глупом чёрте (великане);
- 3) анекдоты.

Позднее американским ученым Ститом Томпс оном была переведена работа А. Аарне на английский язык, отредактирована и дополнена. В своей книге «Типы фольклорных сказок» (“The types of the folktales”), изданной в 1973 году, автор дополняет уже предложенную структуру и представляет ее в следующем виде:

- 1) сказки о животных, растениях, неживой природе и предметах;
- 2) волшебные сказки;
- 3) легендарные сказки;
- 4) новеллистические (бытовые) сказки;
- 5) сказки об одураченном чёрте;

- 6) анекдоты;
- 7) небылицы (Томпсон, 1973).

И в XXI веке европейские ученые продолжают углубленное изучение фольклорных сказок, а соответственно предлагают новые классификации. Так в 2004 году немецкий ученый Ганс-Йорг Утер в трехтомном собрании «Типы международных фольклорных сказок» представил модернизированную классификацию, представив более 250 новых типов (Uther, The Types of International Folktales). Классификация данного ученого выглядит таким образом:

- 1) анималистические сказки (Animal Tales);
- 2) первобытные сказки (Ordinary Folktales);
 - волшебные сказки (Tales of magic);
 - религиозные сказки (Religious tales);
 - Этиологические сказки (Aitiological tales);
 - Романтические сказки (Novelle (romantic tales));
 - Сказки о глупом черте (Tales of the stupid ogre);
- 3) шутки и анекдоты (Jokes and Anecdotes);
 - комические истории (Numskull stories);
 - истории о замужних парах (Stories about married couples);
 - истории о девушках (Stories about a woman (girl));
 - истории об умных/ глупых/ удачливых/ неудачливых мужчинах (Stories about a clever/stupid/lucky/unlucky man(boy));
 - религиозные шутки (Jokes about parsons and religious orders);
 - противоречивые сказки (Tales of lying);
- 4) формульные сказки (Formula Tales);
- 5) неклассифицированные сказки Unclassified Tales (Narrationes Lubricae).

Таким образом, определяя жанровую принадлежность фольклорного произведения, необходимо руководствоваться целым рядом критериев, описывающих его структурные и содержательные признаки и

функциональное назначение. Ни один из критериев не может быть выделен в качестве самостоятельного или ведущего, так как в текстах разных жанров возможно существование разнообразных комбинаций критериев. Более того, даже в рамках отдельно взятого текста некоторые критерии не получают четкого, однозначного выражения, что происходит, например, в случае контаминации функций внутри критерия функционального назначения.

1.3. Лингвокультурологические аспекты в исследовании фольклорной сказки

У исследователей устного народного творчества неподдельный интерес вызывает изучение сказочных текстов из-за своего жанрового своеобразия, и этот процесс происходит в нескольких направлениях.

Современное определение лингвостилистического анализа текста, как известно, явление разноаспектное, предполагающее изучение исследователями лингвистического текста, как многогранное явление, в котором все выражаемые им внешнелингвистические факты «подвергаются анализу, поскольку, учитывая их семантику, произведение будет понятно, либо, не учитывая все особенности, будет не понято совсем. Иными словами, номинативные единицы языка, охватывающее слова, фразеологизмы и свободные сочетания, подлежат исследованию с точки зрения всех коннотативных и фоновых значений, которые присущи им как языковым наименованиям, представляя тот или иной вид культурно-исторического содержания» (Анисимова, 2003:11).

В связи с этим, исследователи часто одинаково оценивают понятия «лингвистического анализа» и «лингвокультурологического», поскольку языковые факты исследуются одновременно, в комплексе, без отрыва от лингвистического опыта носителей языка и лингвистической ситуации.

Изучая работы исследователей-фольклористов, лингвистов и литературоведов, мы отмечаем, что с самого зарождения науки о фольклоре, текст изучался в двух направлениях – мифологическом (В. Гримм, М. Мюллер, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня) и в историческом (А.Н. Веселовский), и, соответственно, это предполагало обращение к самым разным формам устного народного творчества и народной культуры (Афанасьев, 2002; Пропп, 2000). В основе первого направления заложены такие характеристики произведений сказочного жанра, на основе которых происходила регенерация более древних народных представлений, показанные в синтезе ментальных и словесных художественных форм. В рамках же второго течения изучались элементы и семантика сохранившихся обрядов и верований, которые в дальнейшем помогали интерпретировать содержательные и структурные компоненты сказочных текстов, а также способствовали установлению последовательности появления в сказке тех или иных сюжетов.

Выделяют несколько направлений и представителей, которые занимались анализом и интерпретацией сказочных текстов:

1. - (К. Крон, К.Сидов, А. Аарне)
– в основе находится специфическая методика интерпретации и систематизации вариантов сказочных текстов. Разработанное на этой основе понятие гипотетического архетипа допускает возведение все многообразие сказочных произведений к небольшому количеству праформ. Реконструированные архетипы под влиянием исторических и культурных факторов распадаются на подтипы и экотипы, находящие свое выражение в местных формах народной сказки и функционирующие на разных уровнях. Безусловной заслугой фольклористов данного направления является то, что они были первыми, кто создал классификацию сказок на основе общности сюжетов и мотивов. В последующие годы эта концепция была перенесена на другие фольклорные жанры.

2. последователями которого являются З. Фрейд и К. Юнг объясняли причину таких образов в сказках подавленными или сублимированными сексуальными влечениями или присутствующими в них архетипами или особенностями, «которые отражают развитие индивидуализации». Исследования этих ученых задавались целью воссоздать древнее мифологическое сознание как определенный способ отражения действительности, проявляющегося в фольклорном сознании. Понимание их специфики позволяет конкретизировать функциональные, структурных и стилистические характеристики сказок.

3. — основная цель которого состоит в изучении форм мышления носителей традиционной культуры и способов их воплощения в явлениях культуры (Островский, 1999: 10-11) Последователями этого направления были К. Леви- Строс и В.Я. Пропп, изучавшие новые подходы к определению важных составных частей (функций) в тексте и характера их взаимосвязей (Пропп, 2000).

В конце двадцатого века такие ученые как Алпатова В.С., Скороходько С.А., Добровольская В.Е., Гулянкова Т.И. активно осуществляют исследования, посвященные анализу классификации образов и объектов сказок разных народов. Их целью становится уточнение типологии и содержание таких понятий как «реалия», «атрибутика» применительно к жанру сказки. Описание основных приемов передачи сказочных реалий с одного языка на другой вносит неотъемлемый вклад в разработку вопросов уникальности национальных культур.

Обращаясь к Британскому фольклору, мы отмечаем, что английская сказка исследуется и со стороны когнитивной лингвистики, что помогает выявить ее основные концепту (к примеру, «мудрость» и «глупость») и охарактеризовать лексические средства их реализации (Мамонова, 2004). Описание когнитивно-дискурсивных особенностей лексики дает

возможность иной организации данного материала, который возможно передать в виде лексических фреймов.

Отдельные исследования последних десяти лет посвящены изучению лексико-стилистических средств, необходимых для создания образов персонажей народной сказки, волшебных помощников и волшебных предметов. Особое внимание исследователи уделяют особенностям проявления национального колорита в лексической подсистеме языка сказки и соединения универсального и национального в сказочном тексте.

В отмеченных выше исследованиях сказка, являя собой часть народной культуры, изучается в отрыве от нее. В течение осуществления лингвостилистического анализа текстов сказок и при описании структуры и семантики функций, системы персонажей и типов сюжетов не обращается внимание на народное мировосприятие, религиозные воззрения, бытовавшие обряды, системы правил и запретов, ритуалов. Однако, компоненты материальной и духовной культуры народа – творца сказочных текстов обнаруживают, выраженное в разной степени, отражение в языке сказки. Это приводит к мысли о том, что соотнесение языковой картины мира народных сказок с разными формами народной культуры и реконструкция на этой основе недостающих элементов духовной культуры (мифопоэтических и религиозных верований) возможны в полной мере лишь в рамках культурологического и этнолингвистического изучения произведений данного жанра (Игошкина, 2000).

Фольклорные тексты сказок Британских островов отличаются высоким лингвокультурологическим потенциалом, и зависит это, в первую очередь, от таких основных черт фольклора как верность традиции и коллективность. Выявлено, что лингвокультурологический анализ дает возможность описывать фольклорный образец как культурно-языковое явление, в котором достаточно сильно описываются специфические черты национальной культуры этноса, его создавшего. Ядром национальной культуры при этом является такая картина мира, которая позволяет показать целостность

отдельного этноса в лингвокультурологическом плане в процессе его исторического развития.

Обращаясь к сказочному тексту, как одному из вариантов фольклорного произведения, мы считаем необходимым обозначить главные черты сказочного текста перед тем, как проводить его лингвокультурологический анализ. Сказочный текст воспринимается нами как закрытая совокупность признаков с комплексным механизмом, все части и уровни которой совпадают и целью которых является определение авторской мысли о передаче конкретной эстетико-познавательной информации. Освоение языковой картины мира английской народной сказки трудно представить без обращения к другим жанрам фольклора и иным формам культуры, что подразумевает использование в ходе работы результатов исследований по фольклористике, лингвофольклористике, этнографии и этимологии, а также использование методов компонентного, контекстуально-ситуативного, дефиниционного, этимологического и сопоставительного анализа (Бобунова, 2001).

Вследствие этого, мы считаем целесообразным дать разъяснение использования некоторых методов, которые помогли нам в лингвокультурологическом анализе сказок Британских островов:

1. - Использование данного метода необходимо для уточнения значения лексической единицы (ЛЕ), реализующегося в конкретном контексте, и ее принадлежности к одной из тематических групп. Например, анализ окружения лексемы *t' other place*, являющейся одним из средств номинации «чужого» мира, позволяет рассматривать ее как синоним существительного *hell*, образующий в ближайшем контексте оппозицию с ЛЕ *heaven*.

2. способствует выявлению ведущих признаков, лежащих в основе номинации героев или объектов сказочного континуума и определяющих образность ЛЕ в тексте. Отсутствие узувального имени героя компенсировано в языке сказки ЛЕ, передающими идею

коммуникативной целенаправленностью. Сказочный текст отличается от несказочного спецификой его функции.

Основной целью лингвокультурологического исследования является поиск главной мысли или идеи текста, т.е. того конкретизирующего эмоционального значения, которое лежит в текстовой основе, в таком случае авторская точка зрения относительно описываемой действительности становится доминантой.

В ходе такого исследования анализируются разнообразные уровни текста: лексический (группировка лексики по тематическим полям слов и особенностей отдельного слова), синтаксический (способы и условия сочетаемости слов и предложений), композиционно синтаксический (выявление типа и способа повествования, анализ взаимодействия речевых структур, исследование пространственно-временной или субъективной организации текста). Более того, большое внимание сосредоточено на выявлении внутренних «компонентов» текста. Все названные уровни могут исследоваться в свободном порядке и быть заданы особенностями конкретного текста, но необходимо помнить о том, что объектом нашего анализа является сказочный текст, а не художественный. «Текст - это один из элементов художественного произведения, но достаточно существенный элемент, без которого художественное произведение просто невозможно» (Лотман, 1992).

Лингвокультурологический анализ текста играет значимую роль, т.к. перед читателем ставится конкретная цель - внимательно прочитать и извлечь максимально информацию из этого текста. Из-за разносторонности и сложности текста сказки, мы при его интерпретации ставили для себя задачу извлечения максимума вложенных в него смыслов. Таким образом, интерпретация текста, - это уяснение и переработка смысловой, идейно-эстетической и эмоциональной информации художественного текста, получаемые с помощью построения авторского видения и познания действительности.

Анализ текста как основного образца языка традиционно связывается и с другим основным понятием - «стилем». И текст, и стиль являются, прежде всего, характеристиками речевой деятельности. Как известно, лингвостилистический анализ текста может проводиться на разных уровнях языка. В языке, в свою очередь, функционируют конкретные образцы построения звукового потока, ведущие к созданию тех или иных звуковых эффектов. Другими словами, на фонетическом уровне можно применять определенные стилистические приёмы в их синтагматической последовательности, которые вместе с другими средствами создают различные стилистические эффекты.

Средства выражения в языке существуют благодаря имеющимся денотативным и коннотативным значениям элементов языка, по-своему проявляющихся в синонимической парадигме. В этом смысле имеется большое различие между словом и словоформой. Слово отличается, прежде всего, денотативным и предметно-логическим значением, к которому могут быть добавлены разные коннотативные значения.

Что касается семантики грамматической формы слова, то вне контекста она в парадигме имеет лишь денотативное значение. Вне речи или контекста грамматическая форма не может расцениваться как эмоциональная, стилистическая или экспрессивная, а языковых (парадигматических) синонимов на морфологическом уровне очень немного, но только некоторые из них входят в состав стилистических оппозиций с маркированными и немаркированными членами.

Возможность разнообразного использования стилистических приёмов компенсирует бедность выразительных средств на морфологическом уровне, под которыми понимается сдвиг в имеющейся дистрибуции единиц речи, в данном случае морфем и словоформ (Мороховский, 1991: 70).

Многообразными формами речевой выразительности в языке обладают и звуки, и слова, и их грамматические формы, а больше всего - синтаксическая организация речи. Однако модель предложения, которая имеет разные

дефиниции в разных направлениях языкознания должна считаться, независимо от этого, основной единицей синтаксического уровня языка. Следовательно, синтаксико-стилистические парадигмы состоят из моделей предложений, которые, как и элементы языка других уровней, могут содержать основную и дополнительную информацию и входить в синонимические отношения друг с другом. Наличие общего инвариантного значения предикации, наряду с единым синтаксическим значением, служит базой для образования оппозиций между повествовательными, вопросительными и отрицательными предложениями.

Переход главной модели (повествовательной) в вопросительные или отрицательные предложения приводит также и к изменению её синтаксического значения, но, обычно, нечасто приводит к стилистическим трансформациям. Переход базовой модели в другие типы повествовательных предложений ведет за собой превращение последних в стилистически маркированные модели предложений (Мороховский, 1991: 137).

Построение содержания текста, вместе с такими аспектами речи как фонетический, лексический, морфологический и синтаксический, также анализируется в процессе исследования, в силу того, что содержание сказочного текста отнюдь не является слепой рефлексией жизненных фактов, а имеет сложные, исторически изменчивые и до конца ещё не изученные законы построения. К построению содержания мы относили и феномен художественного времени. Конечно же, художественное время, в котором подаются все описываемые события, отображает и реальное время, но не отображает все его свойства, оно - более свободно, оно может ускоряться или замедляться, или даже останавливаться, а последовательность событий может быть разной.

Выводы по Главе I

В результате проведенного анализа теоретических особенностей сказок Британских островов, были сделаны следующие выводы:

1. Целью изучения народной сказки в этнолингвистическом аспекте является воссоздание системы представлений о мире, архаических верованиях, демонстрация человеческой деятельности в предыдущие эпохи, а также их образа жизни. Отображение центральных элементов древней культуры, закрепленных в лексическом составе английской сказки, видится нам через сопоставительный анализ как структуры и содержания иных форм народной культуры, так и именно фольклорных текстов, для чего необходимо привлекать методы и результаты лингвофольклористических, лингвокультурологических, этнографических, этнолингвистических и этимологических исследований.

2. Сказочная картина мира представляет собой целостный образ мира, отраженный в языке сказки, и является частью фольклорной картины мира, детерминируя особенности последней. Реальность, существующая в языке сказочных текстов, выступает одновременно и идеализированным и истинным образом действительности, характеризуя как народные надежды и ожидания, так и имевшие место условия жизни и быта. В следствие этого обращаясь к словарному составу языка сказок Британских островов, мы можем проследить культурное своеобразие народа. Сказочная картина мира неосознанно усваивается в раннем возрасте и присуща в той или иной степени каждому индивиду определенной этнической общности, обуславливая его отношение к действительности. В следствие этого обращаясь к словарному составу языка сказок Британских островов и опираясь на культурологические и этнографические знания, мы можем проследить культурное своеобразие народа. Описание целостной, структурированной сказочной картины мира может быть достигнуто при условии рассмотрения сказки как однородного,

неделимого на жанровые разновидности вида словесно-художественного творчества.

3. Обращаясь к культурному своеобразиею народу, отмеченному в различных теоретических источниках, мы наблюдаем его наибольшее проявление в словарном составе языка. Номенклатурные и количественные характеристики лексических единиц представляют самые важные для человека области окружающей действительности. Объединение их в группы на основе принципа тематической соотнесенности, а также исследование состава лексико-семантических групп, представленных совокупностью общего предметного содержания, позволяет описать своеобразие отражения в сказочной картине мира различных областей внеязыковой действительности.

ГЛАВА II. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗОК БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

В главе II мы проведем лингвокультурологический анализ пяти сказок Британских островов из сборника Дж. Риордана «Folk-tales of the British Isles», в котором представлены сказки, собранные автором в различных частях Англии. Для данного исследования мы выбрали по одной сказке, истоки которых берут свое начало из следующих территорий – Юго-Западная Англия, Уэльс, Мидлендс, Йоркшир и Линкольншир и Шотландия, для того чтобы как можно лучше показать разнообразие языка народной сказки, а также влияние определенного региона на особенности персонажей. Выполняя лингвокультурологический анализ, мы использовали методы дефиниционного и этимологического анализа; соотносили их характеристику с территориальной принадлежностью и обращали внимание на диалектные особенности языка.

2.1. Языковая специфика сказки “The Tulip Pixies” (West Country)

Первой сказкой из сборника Дж. Риордана, к которой мы обратимся в лингвокультурологическом анализе является быличка - “The Tulip Pixies” или в русском языке «Тюльпанные эльфы», родиной которой является Юго-Запад Англии. По сюжету сказки одна добрая старушка жила в своем домике с красивым садом, где выращивала много прекрасных цветов – незабудки, лилии, розмарин, гвоздику, но особенно прекрасны были тюльпаны. Каждое утро вокруг этих цветов магическим образом появлялись зеленые круги. Много легенд ходило об этом событии, но однажды ночью старушка услышала странные звуки, похожие на колыбельную. Лишь на третью ночь

она узнала, что их издавали эльфы, убаюкивающие своих малышей в тюльпанах. И каждую ночь, пока не наступало утро, эльфы водили хоровод под музыку своих маленьких волыночников, а их магия делала цветы более благоухающими и прекрасными. Так шел год за годом, пока старушка не умерла. Теперь в её доме поселился новый хозяин, который ухаживал только за плодово-ягодными культурами; он уничтожил все цветы, чем разозлил эльфов. В конце концов они уничтожили его сад – растения завяли, земля стало сухой и все перестало расти. А сами эльфы каждое полнолуние пели песню на могиле старушки, и их магия распускала самые красивые цветы.

Одним из действующих лиц является старушка, хранительниц очага, которая с любовью и заботой ухаживает за своим садом, что подчеркивается в тексте следующим предложением:

1) *She tendered the garden with special* (Риордан, 1987: 34);

В её «хорошеньком саду» жили магические создания, о которых она узнала лишь на третью ночь из-за шума, который они издавали, и это *pixies*. Числительное три (*three*) в данном контексте характеризуется обозначением магической силы тех существ, которых она в результате нашла. В Британских сказках также встречаются многочисленные названия фейри, но в данном анализе мы отобрали определения лишь тех, которые упоминаются непосредственно в сказке – *pixies* и *elves*. Лексикографические источники дают им следующие определения.

Elf - *small fairy with pointed ears which is said to play tricks on people* (LDELC, 2000: 423) или «(фольк.) эльф; фея» (НБАРС, 2001: 655). ЛЕ *elf*, будучи вытесненной из широкого употребления заимствованной из французского языка лексемой *fairy*, постепенно приобрела возвышенную, супернейтральную стилистическую окраску (Simpson, Roud, 2003:109).

Pixie - (LDELC, 2000: 1021) или «эльф; фея» (НБАРС, 2016: 700). Распространение

данной ЛЕ, как правило, ограничено юго-западными областями Британских островов (графствами Корнуолл, Девоншир и Сомерсет). В связи с этим оно является доминирующей ЛЕ обозначающей эльфов в данной сказке и используется всеми, кроме сказителя.

Анализ приведенных дефиниций позволяет говорить о том, что в двуязычных лингвистических словарях семантика перечисленных лексем истолковывается однозначно, что придает существительным статус стилистических синонимов. Однако, в данном фольклорном произведении в речи сказителя в узком контексте более возвышенная форма *elves* сочетается с территориально ограниченным именованием *pixie* для номинации одной и той же группы существ, что свидетельствует о снижении стилистического статуса лексемы *elf* в фольклорном тексте:

- 2) *"Her cottage was near a pixie field, where green rings stood in the grass. Now some folk say fairy rings are caused by the elves catching colts"* (Риордан, 1987: 34);

В устах героев этой же сказки пикси получают альтернативное именование *piskie*, которое в данном контексте характеризуется более сниженными по сравнению с лексической единицей *pixie* коннотациями. Само обозначение *pixies* как *piskie* преобладает в речи мужчин в Британских сказках, т.к. у них чаще встречаются просторечные или диалектические формы отдельных лексических единиц: (Болонева, 2014)

- 3) *"The piskies can't abide bein' robbed of their own."*
"Piskies? Pah!" said the man (Риордан, 1987: 36);

Сам сказитель указывает на то, что события происходили «На западе Англии, вдоль границ Тави, жила одна добрая старушка» (пер. автора). Название реки Тави - *Tavy* происходит от корня слова из Бриттских языков первоначальное значение которого в настоящее время утрачено (Ekwall, 2005). Он получил свое название от города Тавистоке и сел Мэри Тави и Питер Тави. Стиль этой истории поэтический, лирический, напоминает

сказки Андерсена, отличается от обычной сжатой и суховатой манеры рассказов этого жанра.

В сказке - быличке “The Tulip Pixies” также представлено музыкальное творчество английского этноса, что свидетельствует о том, что музыка занимала значимое место в народных представлениях. В сказке ей присущи магические свойства, поскольку она всегда, так или иначе, связана с «чужим» миром. По народным представлениям, музыкальными способностями обладают многие мифологические существа, и здесь мы отмечаем, что Эльфы проводят ночное время в танцах под музыку своих музыкантов:

4) *es to*
dance in the meadow grass (Риордан:1987, 35);

Мы также наблюдаем некоторые особенности в речи персонажей, связанные с их деятельностью и происхождением. В быличке описывается повседневная жизнь пожилой женщины, которая не относится к аристократическому роду, поэтому мы можем наблюдать грамматические ошибки в использовании глаголов “do” и “to be”.

5) ;

6) ;

К фонетическим особенностям речи мы также относим неверное произношение окончания - “ing” в глагольных формах -

6) *Whar lovin folks they be* ;

7) ;

а также выпадение гласных и согласных звуков в разных частях слова -

8) *If the li l dear b aint a-kissi their babies fore they* (Риордан: 1987, 35);

Анализируя вышеперечисленные особенности, мы отмечаем, что в сказке «Тюльпанные эльфы» сказитель акцентирует внимание не только на волшебном элементе сказки, но и отражает картину мира жителей Юго-Запада Англии через их деятельность – садоводство; выращивание овощных и плодовых культур. Он также подчеркивает их «южный» характер – теплоту

души; открытость и отзывчивость к другим людям и созданиям, не смотря на простоту языка и невысокий статус; любовь к музыке. Все эти элементы находят своё отражение в характере главной героини, и мы таким образом можем наблюдать некоторые реалии того мира своими глазами.

2.2. Особенности языка сказки “The Lady of Llyn y Fan Fach” (Wales)

Сказка “The Lady of Llyn y Fan Fach” (её также можно найти под другим названием – “The Lady of the Lake”) зародилась еще в древности и ее первая публикация зафиксирована в «Уэльском общественном манускрипте Лландовери» в 1861 году, которая была записана с рассказов плиточника Джона Эванса, 90-летнего Дэвида Уильямса и Элезабет Морган, которые являлись жителями деревни Майддфай. Мы отмечаем, что данное фольклорное произведение сочетает в себе элементы сказки и легенды, так как сохраняет сказочную структуру – крестьянин женится на Деве озера, она рождает ему трех сыновей, но он трижды нарушает наложенный на него запрет, и она уходит от него, а он - здесь логика сказочного сюжета уступает место легенде - бросается вслед за ней в озеро. Черты легенды проступают во вступлении, где точно обозначено место действия, и в эпилоге, где сообщается о потомках Девы (Елина, 1987).

События происходят «в Блэнсуоде рядом с Кармартеншир, где жила вдова с единственным сыном Гронвом» (пер. автора). Гронв “Gronw” с валийского переводится как «неизвестный», что может говорить о том, что несмотря на элементы легенды, главной герой сохраняет свои «нарицательные свойства», т.е. на его месте мог оказаться любой человек из этого места (<https://www.behindthename.com/name/goronwy>).

И однажды главный герой встречает «молодую девушку, сидящую у спокойной воды, расчесывая свои длинные волосы, смотрясь в воду словно в зеркало» (пер. автора). Ранее на территории Британских островов существовал запрет на прямую номинацию сверхъестественных существ, который сохранился в том числе и в тексте сказок, поэтому широкое распространение получили эвфемизмы. Например, для именованя русалки в тексте сказки кроме *merrymaid*, первый компонент которого может характеризовать как внешние данные морских дев (*merry* – (устар.) восхитительный, красивый, очаровательный), так и способность очаровывать, увлекать за собой путников, используются перифрастические номинации и описательные конструкции – *the beautiful creature, the fair one, a young maiden, woman of lake*, – не нарушая, таким образом, установленного табу (Риордан, 1987). Таким же описательным способом описывается отец русалки; сказитель называет его «...седоволосым пожилым мужчиной, который статен как король...» (пер. автора).

Мы видим, что кроме некоторых географических названий таких как Блэнсуод, Кармартеншир, в самом названии сказки прослеживается связь героини сказки с её местоположением – *Lake of Llyn y Fan Fach*. *Lake* в переводе с английского означает «озеро», что представляет из себя водоем, имеющий определенные пространственные ограничения и не соединяющийся с другими водными источниками. В Британской национальной картине мира вода играет значительную роль, так как страна со всех сторон имеет водные границы. Поэтому лингвокультурный концепт «водного пространства» также находит свое отражение в фольклоре и представляется в разных значениях.

В данной фольклорной сказке, озеро является границей, непреодолимой преградой между своим и чужим пространством; ведь юноша не посмел пересечь озеро и ожидал деву на берегу:

9)

for the

(Риордан, 1987: 82);

Водоём также представляется в сказке в виде потустороннего мира, где живут волшебные существа. В национальной картине того времени водное пространство противопоставлялось земному измерению, где первое можно ассоциировать с царством мертвых, поскольку, уйдя под воду уже никто оттуда не возвращался. Такой концепт мы наблюдаем в финале сказки, когда водная дева уходит от своего мужа со всем приданным, а муж не смог смириться с утратой и ушел вслед за ней.

10) *, following their mistress to the lake from which they had*

followed his wife despairingly down to the lake and, overwhelmed by grief,

(Риордан, 1987: 88);

В данном фольклорном произведении мы также отмечаем реализации мифологического значения лексемы *hair*, которая проявляется в том, что воздействие на героя через его волосы позволяет противнику обрести над ним власть. Власть над поработанным человеком можно рассматривать через следующие призмы: следствие физического превосходства противника, наличие у него необычайной магической силы.

Поэтому любые манипуляции с волосами трактуются как попытки заколдовать. Символическое значение волос как вместилища магической силы усиливается в сказках благодаря использованию лексем *hair* и *comb* в узком контексте. Лексическая единица “*comb*” этимологически восходит к и.-е. **gombhos jambhas* и вероятно, сохранила в своём значении и мифологическое символика, свойственную данному объекту, который, как и любой другой орган тела, обладает магической связью со своим владельцем и является вместилищем его жизненной энергии.

Язык сказки также насыщен орфографическими и грамматическими конструкциями валлийского диалекта. Мы отмечаем, что эти особенности чаще проявляются в речи женской героини, так как она является одним из самых популярных валлийских героев. Во-первых, в ее высказываниях

нарушены грамматические конструкции: во-первых, используется продолженное время в значении регулярного действия:

11) _____ ;

во-вторых, опущение частицы *to* при соединении двух глаголов:

12) _____ (Риордан, 1987: 87);

Обращаясь к орфографии, мы отмечаем, что, как и в других диалектах британского английского, предпочитают окончания *-ise* вместо *-ize*:

realise → *realize*.

Таким образом мы видим, что для сказок Уэльса была характерно обращение к мифологическим персонажам, которые демонстрируют связь между земным и волшебным миром, а также соответствуют географическому положению региона. Кроме того, язык фольклорной сказки изобилует диалектными грамматическими и лексическими особенностями, которые показывают отличие валлийской картины мира от английской.

2.3. Анализ лингвистических и культурологических особенностей сказки “Tops or Butts?” (The Midlands)

Фольклорная сказка “Tops or Butts?” или её русский эквивалент «Вершики или корешки» относится к сказкам Мидленда, территория которой является географической областью и культурным центром центральной Англии. Дж. Риордан обратился к двум собирателям Элле Ливер и Эрику Свифту (Ella Leather and Eric Swift) и их книгам «Фольклор Херефордшира» и «Сказки западного Мидленда» (“The Folk-Lore of Herefordshire” и “Folk Tales of the East Midlands”) и составил из нее наиболее общий вариант данной сказки. Согласно жанровой классификации её можно отнести к бытовым сказкам из-за её обращения к повседневным реалиям Британского народа, из

которых нереальным, вымышленным персонажем является Боггарт, а основным мотивом является стремление победить зло или чужеродных созданий не с помощью силы, а с помощью ума и хитрости. Кроме того, сказка “Tops or Butts?” также выдерживает рамочную структуру – зачина, основной части и концовки.

Сказитель повествует нам о фермере по имени Джек о Кент, которой владел землей в Херефордшире, где выращивал разные культуры. И однажды столкнулся он с чудищем-лешим, который хотел отобрать его поле. Тогда придумал Джек способы обхитрить чудище – делил он с ним вершки и корешки, но так, чтобы ему доставалась съедобная часть. На третий раз надоело лешему есть несъедобные части и ушел он с его земли, и больше никогда не приходил.

Главное действующее лицо – Jack o’ Kent – герой Херфордширских и Уэльских сказок и фельетонов, в которых он хитростью и обманом побеждает зло. Его первое появление как персонажа зафиксировано в пьесе XVI века, название которой не сохранилось, но он уже к тому времени был хорошо известным персонажем Британского фольклора. Имя Джек о Кент также часто связывают с объяснениями некоторых геологических особенностей Уэльса, т.к. близкое расположение Херфордшира к Валийским границам непосредственно влияло на то, как народ объяснял изменения в окружающем мире. В самой сказке нет описания внешности Джек о Кента, мы не знаем как он выглядел, однако, мы знаем род его деятельности – он был «фермером, владеющим небольшим кусочком земли в Херфордшире...» (пер. автора). В данном фольклорном произведении мы также можем выделить ЛЕ, помогающие подтвердить вид его деятельности – предметы сельскохозяйственной работы – *furrow* *a jagged scythe* зерновые культуры – *wheat stalks turnips* а также *reaper* – жнецы, те с кем главный герой и собирал урожай.

Противником Джек о Кента является Боггарт (“Boggard”) - в английской низшей мифологии - фейри, сходный с домовым. Боггартов также

представляли в виде косматых существ, с длинными желтыми зубами и светящимися в темноте глазами. Они предпочитали селиться по одиночке, поскольку не очень ладили друг с другом. В прочем и у других фейри, боггарты не пользовались популярностью.

Боггарт обычно дружелюбно относился к тем людям, в доме которых жил. Но он отличался довольно вредным характером и был способен на злые проделки. Их любимой проделкой было прокрасться ночью в спальню, провести холодной, мокрой лапой по лицу человека и сдернуть на пол одеяло. Если его рассердить, то он мог разбить посуду в доме, отвязать лошадей и коров, и других. Культ боггартов был особенно распространён в Ланкашире и Йоркшире. В Оксфордском словаре английского языка также приводятся аналогичные название Боггарта, одним из которых является – *bugbear* - *any terrifying thing*, которым называли любое пугающее существо. И тогда понятно, почему в русской версии данной сказки – Вершки или Корешки? - силами зла (отрицательным персонажем) является медведь (bear).

Все события происходят ранней осенью, когда наступает пора собирать урожай. Физиологическое состояние голода (жажды) и процесс насыщения получили неравнозначное отражение в сказочной картине мира. Многократное превалирование ЛЕ со значением насыщения, поглощения объясняется тем, что в мифопоэтической традиции проглатывание пищи приравнивалось к обряду жертвоприношения. В данном фольклорном произведении описание одного из осенних аграрных праздников - окончания жатвы, генетически восходящего к языческому почитанию производительных сил земли, сопровождается указанием на обильное принятие пищи:

13) *"he drank a great deal, scoffed some hot bag-puddings"* (Риордан, 1987: 112);

что, вероятно, можно рассматривать как один из способов задабривания духа хлеба. Праздник сбора урожая считался одним из главных праздников в году. Самый молодой мальчик должен был везти последнюю тележку,

которую ярко и празднично украшали, а все сборщики урожая пели праздничные песни (Addy, 1895).

Рассказчик в сказке описывает богатый урожай пшеницы как «...золотое море, колышущееся по ветру...» (пер. автора), и последняя телега, в которой был урожай также была золотой. В английском языке оттенки коричневого (brown, brownny), красного (red, blood-red, rose-red, rose) и желтого (amber-coloured, sand-coloured, yellow-silk) цветов, к которым относится и цвет золота (gold, golden, golden-coloured), характеризуются единством мифологического значения, соотносимого с мифологической символикой яркого света, огня как воплощения потустороннего мира или даров, посланных потусторонним миром, отсюда и акцентирование внимания на данном цвете.

Мы нашли также ЛЕ, которые характеризуют его как существо, «...грузно склонившегося над...» главным персонажем; его «пожирание, поедание» урожая – глаголы *scowling down* *scoffed* (Риордан, 1987: 110, 112).

В бытовой сказке “Tops or Butts” нашли отражение реалии жизни простых людей, через деятельность которых можно наблюдать национальную картину мира – то, как было важно заниматься сельским хозяйством. Ведь сбор урожая был одним из главных праздников того времени, означавший что в зимнее время можно будет жить не впроголодь. В дополнение считалось, что богатство урожая зависело от милости тех, кому поклонялись, поэтому взаимосвязь обычного и потусторонних миров передавалась с помощью цвета, которое находило свое отношение в лексических единицах, выраженных с помощью прилагательных.

2.4. Изучение лингвокультурологических особенностей сказки “The Flaycrow” (Yorkshire and Lincolnshire)

Сказка “The Flaycrow”, или по-другому «Воронье пугало» которая в других источниках имеет синонимичное название «the Scarecrow» взята Дж. Риорданом из сборника Баринга-Гоулда «Йоркшерские странности, инциденты и необычные события». Истоки “The Flaycrow” берут свое начало из Уэст-Йоркшира, что считается частью графства Йокшир, а оно, как один из самых больших и значимых графств Великобритании всегда отличалось особенным диалектом, традициями, обычаями и фольклором, который до сих пор почитается и культивируется.

Само название Flaycrow или Scarecrow в английском языке означает пугало, и в буквальном смысле переводиться как «пугать ворон» (англ. «scare» — испуг, пугать, «crow» — ворона). Это показывает, что первые вредители, для которых они делались — вороны.

Данное фольклорное произведение, согласно жанровой классификации сказок, представленных в первой главе, представляет собой соединение элементов бытовой сказки и новеллы, поэтому для нее характерен малый объем, ограниченное число действующих лиц, некоторый символизм, простая композиция, которой характерны – зачин, основная часть и концовка, а также обращение к повседневным реалиям того времени. Композиционно сказка “The Flaycrow” делится на рамочную структуру: зачин и концовку, - и собственно сказочный сюжет о встрече главного героя с вороньим пугалом, которого он посчитал за потустороннее существо поскольку был нетрезв.

Главным действующим лицом является Том – брат нашего рассказчика Самуила Сатклифа, “...commonly called Sammy o’ Katie’s...”, который здесь является «нарицательным персонажем», т.к. мы не знаем его внешности и не можем его представить. Лишь кратко описывается его образ жизнь с помощью идиомы – “a rare bird to drink” Само выражение – «редкая птица», «белая

ворона», пришло в английскую речь из латинского языка в начале XIX, в котором есть синонимичное выражение “*rara avis*”.

Достоверность повествования достигается с помощью описания событий, происходящих в деревне Хебден в Норт-Йоркшире, название которой – “*Hebden*” – произошло с помощью соединения двух древнеанглийских слов “*heore*” и “*dene*”, которые означали «ежевика» и «долина», а также другое слово “*Hebban*” использовали для описания хребта, образовавший возвышенность над небольшой долиной (<http://www.hgstrust.org/the-suburb/character-appraisal.shtml>). Кроме того, рассказчик утверждает, что «Дом все еще стоит там, легкоузнаваемый по своей побелке и деревьям растущих между дверью и тропинкой...», (пер. автора), что также подтверждает правдивость происходящего.

События происходят ночью, когда “*T’ moon were up, just settin’, and castin’ shadows*”, подразумевая, что «луна только поднялась, только бросив свою тень» (пер. автора). В Йоркшире луна считалась символом магии и волшебной силы. Если человек видел, как наступило новолуние, он должен был поклониться ей три (в некоторых источниках девять) раз. Считалось что те, кто забывал об этом условии или смотрел на нее через стекло, накликал на себя беду и становился несчастным и неудачливым (Addy; 1895).

Мы можем также наблюдать взаимосвязь языка и культуры в использовании рассказчиком множества сравнений –

14) *as falt as ginger-beer* ;

15) *as black as a crow* ;

16) *as red as a turkey-cock* ;

17) *as wick as a scoprell*, (который в современном английском имеет вид “*as swift as a squirell*”) – (Риордан, 1987: 170-171);

Особое внимание следует обратить на сравнительный оборот – “*as falt as ginger-beer*” поскольку имбирное пиво появилось непосредственно в Йоркшире в середине XVIII века, и только после этого получило свое

популярность во всей Британии, а животные - ворон, индюк и белка – одни из самых популярных животных Британии.

Обращаясь к языковому своеобразиею данной сказки, мы можем отметить некоторые лексические единицы, представленные существительными, которые характеризуют невысокий интеллектуальный и социальный уровень главного героя. Выражения – *stealing rascal* *dirty waggabone* *cock-eyed ragamuffin* обозначающие вора, плута, попрошайку, мерзавца и негодяя являются сниженной и просторечной лексикой (Риордан, 1987).

Кроме того, на языковой строй влияет место происхождения сказки “The Flaycrow”. В Йоркшире существует йоркширский диалект, который немного отличается, например, от лондонского диалекта и происходит из смеси древнеанглийского и древнескандинавского языка. Изначально существовало несколько диалектов, границу между которыми создавалась из-за разделявшей отдельные территории река Уорф “Whrafe”, которые лишь ближе к XVIII веку стала больше напоминать стандартный английский, оставляя лишь некоторые особенности, которые отразились и в данной сказке. Для передачи особенностей йоркширского диалекта использовался апостроф – для опущения звука “h” или “th” и другие звуки на конце слова – “... he came wi’ a crack again’ t’ chap” (Риордан, 1987).

Анализируя сказку “The Flaycrow”, мы обратили внимание на отражение традиций жителей территорий Мидлендс, на фонетические и лексические особенности Йоркширского диалекта. Кроме того, в данном фольклорном произведении сказитель часто использовал такой прием как сравнение, где цвет и животное также отражали окружающий мир, в котором проживал народ. Образ пугала и луны здесь также сыграли ключевую роль, поскольку акцентировали внимание на то, каким способом тогда считалось возможным пересечься земному и магическому миру. Наличие просторечной лексики также соответствует бытовому стилю сказки и демонстрирует невысокое социальное положение главного героя.

2.5. Лингвистические особенности сказки “The Black Bull of Norrøway” (Scotland)

Сказка «Черный бык Норруэйский» (“The Black Bull of Norrøway”) является одним из образцов волшебной фольклорной сказки Шотландии. В первый раз сказка с похожим сюжетом, но под другим названием - The Red Bull of Norrøway - появилась в книге Роберта Чамбера «Популярные рифмы Шотландии» в 1842 году. Существующая версия была отредактирована Дж. Риорданом в 1894 году.

В названии сказки мы обращаем внимание на одного из действующих лиц – the black bull – черный бык, который в результате оказался заколдованным принцем, которого смогла освободить от магических чар главная героиня. В целом, способность человека трансформироваться в животное и вновь возвращать себе человеческий облик, равно как и насильственное превращение героя в животное, проявляющиеся в языке сказки, в большинстве случаев, в замещении антропонимической номинации зоонимической, есть также остаточные формы тотемных представлений, связанных с приобретением древним человеком магических свойств и силы тотемного животного. Репрезентированные в сказочной картине мира обозначения домашних животных делают возможным изучение роли каждого из животных в жизни английского крестьянства и их места в системе мифологических представлений, поскольку наиболее ярко выраженным символическим значением среди зверей обладают именно животные, прирученные человеком (корова, бык, лошадь, собака, домашняя птица). Его магические свойства также подчеркиваются его окраской в черный цвет, который несет огромное символическое значение и контекстуально соотносится с миром сверхъестественных существ.

Главное действующее лицо – молодая девушка – младшая дочь королевы (“the third dochter”), которой приходится проходить испытания,

чтобы заполучить своё счастье. Героиня не индивидуализирована, но в повествовании подчеркиваются ее нравственные достоинства: стойкость и преданность, терпение и смирение с испытаниями, которые находят свое отражение в ее поступках, на которые мы обратим внимание при анализе композиции.

Сказочное пространство ограничено определенной местностью – Norway – такого города или поселения в Шотландии не существует, поэтому, мы можем предположить, что сказатель имел в виду северные земли или территорию современной Норвегии Norway =Norway, так как ландшафт, описываемый дальше в сказке - темные и страшные долины “dark and ugly glen”, ровные холмы “glassy hill” (Риордан, 1987).

Волшебство входит в реальность совершенно органично, грань между реальностью и вымыслом не чувствуется. Нет реального времени, так как мы не знаем в каком году или время года происходят события; сказка начинается со слов: «Однажды» (“...One day...”), «в старые добрые времена» (“langsyne”) и заканчивается «И насколько я знаю, они жили счастливо до сего дня»

18) (Риордан, 1987: 215).

Однако мы можем чувствовать движение времени, так как нашей главной героине приходится сначала ждать 3 дня своего суженного, затем ехать с ним 3 дня до его жилища, а также 7 лет помогать кузнецу (“the smith”), чтобы получить железные башмаки, которые помогли добраться до принца Норруэйского, таким образом мы чувствуем развитие и масштабность сказки. Числительные помимо категориального значения могут обладать значением мифопоэтическим, в связи с чем представляется логичным уделить внимание особенностям проявления мифологической символики чисел в сказочных текстах. В данном фольклорном произведении мы можем ответить, что частое использование волшебных чисел – three and seven – три дочери, три дня пути, семь лет девушка работала на кузнеца, чтобы потом суметь добраться до королевства, три дня девушка ходила к своему суженному - подсказывают,

что, преодолев все трудности, у главной героини получится обрести свое счастье, так как сама судьба помогает ей в этом.

Композиционно основную часть сказки можно разделить на три иерархически связанных элемента – предварительный, основной и дополнительный. В завязке мы узнаем, что каждая из дочерей королевы отправляется к колдунье прачнице “*witch washerwife*”, чтобы узнать кого им в суженные определила судьба, а узнав, что ее супругом станет бык Норруэйский, «она плакала долго и горестно», но смирившись отправилась с ним (пер. автора).

На пути к их счастью встречается множество препятствий, которые им придется преодолеть, и первое – перемещение в иное царство, где «черный бык Норруэйский отправляется сражаться с Великаном» (пер. автора). В оригинальном тексте его называют *Etin* – древний исполин, отличающийся злобным характером и чудовищной внешностью. Упоминания о нем встречаются чаще в древнегерманской и скандинавской мифологии, но он также присутствует и в некоторых Шотландских сказках в том числе и в данной. И несмотря на то, что Бык Норруэйский одолел Великана, колдовские чары развеялись, а он снова стал прекрасным мужчиной, сказка на этом не заканчивается и появляется дополнительный эпизод, в котором появляются новые лжегерои - злая старуха-ведьма и её дочь – и новые испытания, которые, по канонам волшебной сказки, главная героиня должна преодолеть, чтобы заслужить свое счастье.

Она, столкнувшись с непростой ситуацией, вспомнила о трех волшебных фруктах – *an apple, a pear, a plum* – яблоко, груша и слива, которые стали ее помощниками. Для волшебной сказки также характерен принцип «сказано - сделано», когда герой/героиня не может перейти на следующий уровень, пока не завершит предыдущий. Однако, он действует только пока герой для решения своих проблем обращается к помощи чудесных сил (Невзорова, 2002). Этими чудесными силами в данной сказке стали фрукты,

благодаря которым она смогла получить драгоценности, позволившие подкупить дочь и отсрочить свадьбу на три дня.

Одним из главных условий, с помощью которого девушка сможет добраться до принца – создание специальных волшебных железных туфель у кузнеца, а в сказочной картине мира фольклора Британии наименования различных минералов, металлов и драгоценных камней отличаются сходным символическим значением. Их магические свойства напрямую зависят от характера залегания (на морском дне или под землей), от трудностей, возникающих при их добыче, от наличия у них определенных физических характеристик (цвет, кристаллическая форма, преломляющая световые лучи). Все металлы в той или иной степени обладают необыкновенными свойствами и, следовательно, соотносимы с иным миром. В этой сказке главная героиня получает пару железной обуви (*iron shoon*), позволившей ей подняться на стеклянную гору “*glassy hill*”.

Обращаясь к языку этой фольклорной сказке, мы можем отметить то, что он изобилует большим количеством повторов – *aye she wept, and loud she wept* (Риордан, 1987: 211) - «долго ли путешествовали», «больше ли получали, дольше ли ехали», которые помогают почувствовать движение сказки, а главное самих героев в сказочном пространстве. Мы отмечали в начале анализа, что сказка Шотландская, поэтому ЛЕ единицы шотландского диалекта будут сочетаться со стандартным английским, например, *a washerwife* – *a washerwoman*. Также есть примеры ЛЕ, которые в шотландском диалекте и в британском варианте передают одинаковое значение, но пишут и произносятся по-разному, например: *loch =lake; ken=know*. Кроме того, шотландский диалект оказывает влияние и на грамматику английского, используя вместо *not* - *no* или *nae(ne)*:

kendna=don't know; didna hear = didn't hear; couldna bring = coulnd't bring.

Являясь классическим примером волшебного фольклорного произведения, сказка «Черный бык Норруэйский» собрала в себе магические элементы, выраженные в предметах и существах, которые передают связь

между магическим и земным. В сборнике Дж. Риордана отмечается, что волшебными фольклорными сказками чаще всего бывают именно шотландские, и мы предполагаем, что это связано и с географическим положением, и с тем, что именно из Шотландии происходит большое количество волшебных историй, в которых показывает ум, храбрость, отвага, хитрость героев. Поэтому, мы полагаем, что сказитель хотел раскрыть их национальные черты именно через такую картину мира, связанную с преодолением трудностей, победой над злом, получением новых знаний и предметов. Кроме того, в языке сказки также отмечаются некоторые лексические единицы, демонстрирующие шотландский диалект, и это также связано с указанием происхождения сказки.

Выводы по Главе II

В результате проведенного лингвокультурологического анализа пяти фольклорных сказок из разных регионов Британии были сделаны следующие выводы:

1. Система персонажей и их наименование сформировались под влиянием культуры, образа жизни и территории, где была создана сказка, поскольку определенные географические факты и реалии окружающего мира непосредственно влияют на выбор главного героя, обозначение которого находит свое отражение в английском языке. Кроме того, мы отмечаем, что каждой территории присущи собственные языковые отличительные черты, выраженные в грамматических и лексических единицах.

2. Определяя номинацию отдельных лиц, мы выделили признаки биологического характера, а именно особенности внешнего вида и поведения, эмоционального состояния, интеллектуальных свойств и физической

активности, которые актуализируются посредством отдельных лексических единиц и стилистических приемов.

3. Для передачи национальной картины мира сказители использовали в своей речи такие понятия, которые отражали деятельность, привычки, характер именно тех персонажей, которые характерны определенной местности. Благодаря этим знаниям, мы полагаем, что люди могли не только познакомиться с тем, что окружало их соседей, но и понять их привычки, характер, особенности языкового выражения. Именно национальные отличия речи персонажей могли обозначить их происхождение, социальный статус, поле деятельности, области межличностных отношений и определяемых ими способов взаимодействия. В каждой сказке также были выделены диалектные особенности на фонетическом, лексическом, грамматическом и орфографическом уровне, которые отличают определенный регион, а также выполняют функцию передачи характерных признаков каждого народа.

4. Каждая сказка имеет композиционное построение, которое характеризуется определенными традиционными формулами. Они являются схемами, с помощью которых сказитель делился тем или иным сюжетом. Как правило, традиционные сказочные формулы подразделяются на группы, приоритетность которых определяется в соответствии с традиционной национальной картиной мира. В проанализированных сказках это группы, обозначающие начало или конец какого-либо действия, отрезок времени, место, направление.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной дипломной работе мы обратили внимание на то, что ее языковая и культурная картина мира Британии, многообразие национально-специфических компонентов изучены недостаточно полно и, обратившись к одному из полных сборников фольклорных сказок Британии Дж. Риордана, выполнили лингвокультурологический анализ пяти сказок из пяти различных регионов. Междисциплинарный характер исследования и многоплановость поставленных целей и задач обусловили выбор методологии исследования и особенности отбора теоретического и практического материала.

В теоретической части дипломной работы мы выделили своеобразие взаимодействия языка и культуры, и как данная взаимосвязь влияет на образование картины мира, которая образуется как результат различных сфер деятельности человека. Более того рассмотрение одного этноса сквозь призму национальной ментальности формирует традиционную национальную картину мира. В совокупности с языком она преобразуется в национально-языковую, которая реализуется в стереотипах и устойчивых образцов, которые показывают представление человека о мире. Таким образом, под влиянием исторического и культурного развития Британии сформировалась британская языковая и культурная картина мира, которая нашла свое отражение сначала в фольклоре, а затем в литературе.

Среди фольклорных жанров мы обратились к сказке, которая является одним из основных жанров фольклорного творчества и культурного наследия, через язык которой можно проследить реалии прошлого. Наиболее традиционной классификацией является следующая классификация сказок: сказки о животных, волшебные и бытовые сказки. Мы также выделили основные методы лингвокультурологического анализа, которые помогли нам определить территориальное влияние на использование определенных героев;

найти взаимосвязь между использованием героем и его речью с помощью анализа лексических единиц, а также понять происхождение некоторых имен, понятий и территориальных единиц.

В практической части был проведен анализ сказочных картин мира, в которых были выделены области внеязыковой действительности, такие как социальная природа человека, животных и мифологических персонажей; географическая среда обитания и этническое самоопределение английского народа. С их помощью нам удалось объяснить и охарактеризовать ономастические единицы, которые заметно различаются между регионами. Каждая область характеризуется различными критериями языковой картины мира, поскольку для каждой из них характерны определенные лексические единицы. Некоторые лексические единицы обладают ярко выраженным национально-культурным компонентом значения, которые определяют в той или иной степени все перечисленные области внеязыковой действительности, характеризует их функциональную специфику и происхождение стереотипов мышления, отмеченных в сказочных текстах.

Наиболее детальное описание в языке сказки как с точки зрения биологического строения, так и социального характера существования получает человек. Языковая характеристика социальной природы животных и мифологических существ, обладающих отдельными антропоморфическими чертами (речью, тождественными эмоциональной и интеллектуальной сферами, характером межличностных отношений, социальной иерархией и организацией общественного устройства), отличается в сказочной картине мира большим схематизмом.

В языковой картине мира достаточно подробно вербализованы интеллектуальная и эмоциональная сферы личности. Детализированное обозначение глаголами активной мыслительной деятельности персонажей сочетается в сказочных текстах с употреблением многочисленных прилагательных со значением отсутствия или недостаточного развития умственных способностей, которые служат одним из способов образной

характеристики героев. Социальная активность героев сказки проявляется, прежде всего, в характере взаимоотношений между ними, детерминированном ведущими способами межличностного воздействия (физическим, информационным и эмоциональным). Физический и эмоциональный виды воздействия получают языковое воплощение в названиях повреждений разной степени тяжести и действий, направленных на разрушение определенного образа героя.

В процессе исследования были также отмечены различия в мужской и женской речи, которые отражаются в диалектных особенностях через фонетику, лексику или грамматику, тем самым указав на преобладание лексических особенностей у лиц мужского пола, а у лиц женского пола – грамматических. Все это также отражается национальные отличия в речи персонажей.

Полученные результаты исследования и сделанные выводы могут быть использованы при изучении языковой картины мира, заключенной в произведениях других фольклорных жанров. Перспективным представляется сравнительно-сопоставительный анализ совокупности представлений о мире, аккумулированных в лексико-фразеологическом составе сказок других народов, населяющих Британские острова, с целью выявления их основных черт сходства и различия, обуславливающих национально-культурную специфику каждой из картин мира.

Библиографический список

1. Аникин В.П. Теория фольклора. Курс лекций / В.П. Аникин – 2-е изд., доп. – М.: КДУ, 2004. – 432 с.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов/ Е.Е. Анисимова. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
3. Апресян Ю.Д. Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др.; Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой. – М.: Русский язык, 2001.
4. Бобунова М.А. Лингвофольклористика в поисках своих методов / М.А. Бобунова, О.А. Петренко, А. Т Хроленко// Принципы и методы в филологии: сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». Вып. 6. – СПб, 2001. – с. 420 - 426.
5. Болонева М.Л. Концепты woman и man в дискурсе сказки / М.Л. Болонева // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – № 2. – с. 41- 48.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание /А. Вежбицкая // Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1997. –416 с.
7. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций / Г. Д. Гачев – М.: Академия, 1998. – 432 с.
8. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт // Пер. с нем. Общ. ред. Т.В. Рамишвили, послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
9. Елина Н. Предисловие//Народные сказки британских островов. (Сост.) Риордан Дж. – М.:Радуга, 1987. – с. 9-28.
- 10.Звегинцев. В.А Зарубежная лингвистика. III; Пер. с англ., нем., фр. / В. А. Звегинцев, Б.Ю. Городецкий, В.Ю. Розенцвейг. – М.: Прогресс, 1999. – 352 с.

11. Игошкина С.Ю. Актуальные проблемы изучения фольклорной картины мира / С.Ю. Игошкина // Лингвофольклористика 4: Сб. науч. статей. – Курск: Изд-во КГПУ, 2000. – с. 83 - 89.
12. Инчина Ю.А. Национально-культурная специфика фразеологизмов с зоонимным компонентом в триязычной ситуации (на материале русского, английского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — 10.02.20 / Инчина Юлия Анатольевна – М., 2002. – 22 с.
13. Лотман Ю.М. Текст и функция. Избранные статьи в трех томах. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю.М. Лотман – Таллин: Александра. – т. 1. – 1992. – с. 133 - 141.
14. Мамонова Ю.В. Когнитивно-дискурсивные особенности лексики английской бытовой сказки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – 10.02.04 / Мамонова Юлия Вахтанговна – М., 2004. – 21 с.
15. Мамонова Ю.В. Представление функции английской бытовой сказки с когнитивных позиций / Ю.В. Мамонова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Тезисы международной научно-практической конференции – Челябинск: Челяб. ГУ, 2001. — с. 51 - 52.
16. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки / Е.М. Мелетинский. – СПб.: Академия Исследований Культуры, 2005. – 242 с.
17. Мелетинский Е. М. Миф и сказка. Избранные статьи. Воспоминания / Е.М. Мелетинский. – М.: РГГУ, 1998. – с. 284-296.
18. Мороховский А.Н. Стилистика английского языка / А.Н. Мороховский, О.П. Вопробьёва, Н.И. Лихошерст, З.В. Тимошенко. – Киев: «Вища школа», 1984. – 241 с.
19. Найдыш В.М. Мифотворчество и фольклорное сознание / В.М. Найдыш. Вопросы философии. – 1994. – № 2. – с. 45-53.
20. Невзорова Н. П. Фольклорная сказка: типология и поэтика: учебное пособие / Н.П. Невзорова – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – 172 с.

21. Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители. // Русская народная сказка. (сост) Капица О. И. – М.: Л. – 1930. – 783 с.
22. Новиков В.С. Фольклор: проблема этнической психологии /В.С. Новиков // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы международной научно-практической конференции в 2 т. — Бийск: НИЦ БиГПИ. – 1998. – Т.2 – с. 65 - 70.
23. Островский А.Б. Этнологический структурализм Клода Леви-Строса / А.Б. Островский. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. – с. 3 - 14.
24. Печеркина М.П. О некоторых особенностях сказки в немецкой и английских культурах / М.П. Печеркина, Д.Т. Ибниаминова. – Иноязычное образование в XXI веке. – Тобольск, 2008. – с. 127-131.
25. Постовалова В.И. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / В.И. Постовалова. – М., 1998. – 212 с.
26. Пропп В.Я. Морфология сказки /В.Я. Пропп – М.: Лабиринт, – 2000. – 416 с.
27. Рашитова Г.С. Образы мужчины и женщины в сказках британских островов / Г.С. Рашитова // Научное сообщество студентов XXI столетия. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. XXX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 3(30).
28. Риордан Дж. Народные сказки британских островов. Сборник./ Дж. Риордан. – М.; Радуга, 1987. – 368с.
29. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир – М: Прогресс, 1993. – 656 с.
30. Смирнов Ю.И. Язык, фольклор и культура // Язык - культура - этнос / Арутюнов С.А., Багдасаров А.Р., Белоусов В.Н. и др. – М.: Наука, 1994. – с. 99 -104.
31. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие / С.Г. Тер-Минасова – М.: Слово, 2000. – 624 с.
32. Токарев С.А Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. / С.А. Токарев – М.:Советская энциклопедия, 1992. – 719с.

33. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии / А. Т. Хроленко.— М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.
34. Эпоева Л. В. Образные художественные средства в языке волшебной сказки /Л.В. Эпоева. – Культурная жизнь Юга России. 2007. № 1. с. 48-50.
35. Aarne A. The Types of the Folktale: A Classification and Bibliograph Antti Aarne's. Verzeichnis der Märchentypen // translated and enlarged by S. Thompson. – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia – 1973. – 588 p.
36. Addy S.O. Household Tales and Other Traditional Remains / S. O. Addy – London, 1895; p. 393-396.
37. Apter T.E. Fantasy Literature: An Approach to Reality. Bloomington / T.E. Apter – 1982. – 161 p.
38. Behind the mane. The etymology and history of first names [Электронный ресурс] / 2017 – Режим доступа: <https://www.behindthename.com/name/goronwy>.
39. Bolte J. Anmerkungen zu den Kinder–und Hausmurchen der Briider Grimm / J. Bolte, G. Polivka — Bd. I. — Leipzig, 1913, – 566 p.;
40. Briggs K.M. A Sampler of British Folk-Tales / K.M. Briggs – L., 1977. – 390p.;
41. Brigss K.M. Folk Tales of England / Ed. by K.M. Briggs and R.L. Tongue. – London: Routledge and Kegan Paul Limited Broadway House, 1964. – 174 p.
42. Ekwall E. English river-names / E. Ekwall – Oxford, England: Oxford University Press., 2005. – 252 p.
43. Hebden – Character Appraisal [Электронный ресурс] / 2013 – Режим доступа: <http://www.hgstrust.org/the-suburb/character-appraisal.shtml>.
44. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman Group UK Ltd., 2000. – 1568 p.
45. Tolkien J.R. Tree and Leaf. Including the Poem of Mythopoeia /J. R.Tolkien. – L., 2001. – 176 p.
46. Uther H. J. The Types of International Folktales // FF Communications No. 284–86, [электронный ресурс] / H. J. Uther // The Types of International Folktales. – Режим доступа: <http://oaks.nvg.org/folktale-types.html>.